

С.В. Корнакова

**НЕКОТОРЫЕ СУЖДЕНИЯ О НЕСОВЕРШЕНСТВЕ НОРМ УПК РФ,
КАСАЮЩИХСЯ ПРИЗНАНИЯ ВИНЫ ОБВИНЯЕМОМ**

В статье рассматриваются проблемы законодательного регулирования вопросов, касающихся признания обвиняемым своей вины. Отмечается, что данные вопросы всегда находились в сфере повышенного внимания ученых. Критически оценивается законодательная формулировка ч. 2 ст. 77 УПК РФ с позиции возможности восприятия ее содержания как придающего приоритетное значение признанию обвиняемым своей вины. Предлагаются варианты изменения такого восприятия. Первый – корректировка указанной нормы посредством ее изложения в форме запрета, и второй, являющийся, по мнению автора более предпочтительным, – исключение ч. 2 из ст. 77 УПК РФ. Приводятся примеры подобного регулирования в законодательстве некоторых стран СНГ. Также критически оценивается ряд других норм, регламентирующих права и обязанности, а также порядок допроса обвиняемого. Делается вывод об отсутствии доказательственного значения самого факта признания вины без сообщения сведений, ранее неизвестных органу расследования.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; признание вины; предъявление обвинения; допрос обвиняемого.

Svetlana V. Kornakova

**SOME CONSIDERATIONS ON THE IMPERFECTION OF THE NORMS OF
THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION
CONCERNING A GUILTY PLEA OF THE ACCUSED**

The article examines some problems of legislative regulation of the issues connected with a guilty plea of the accused. It is noted that these issues have always attracted the attention of the scholars. The author presents a critical analysis of the legislative language in Part 2 Art. 77 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation from the standpoint of its possible interpretation as giving priority significance to the guilty plea of the accused. Some options for changing such an interpretation are suggested. The first is to amend this norm by presenting it as a prohibition, while the second, which the author supports, is to eliminate Part 2 from Art. 77 of the CPC of the RF. Some examples of such regulations in the legislation of the CIS countries are presented. The author also critically assesses a number of other norms regulating duties and liabilities, as well as the procedure of interrogating the accused. It is concluded that the very fact of a guilty plea has no probative value without conveying new information that the investigators did not previously know.

Keywords: criminal proceedings; guilty plea; indictment; interrogation of the accused.

Правовому и доказательственному значению признания вины обвиняемым уделяется повышенное внимание в юридической литературе [1–9]. При этом учеными справедливо отмечается, что отношение к данному вопросу является критерием профессионального и нравственного уровня правоприменителей [8, с. 15]. Между тем, как справедливо отмечает И.В. Смолькова, опасный вирус под названием «признание вины – царица доказательств», к большому сожалению, не изжит до настоящего времени. Практика свидетельствует о том, что признательные показания все еще оцениваются как «особо убедительные доказательства» [1, с. 7].

По мнению некоторых авторов, причина подобного отношения к доказательственному значению признания вины в некоторой степени связана с несовершенством законодательных формулировок. В частности, В.Н. Перекрестов критически оценивает содержание ч. 2 ст. 77 УПК РФ на том основании, что, по его мнению, в указанной норме законодателем якобы самим фактом постулирования признания обвиняемым своей вины, априори предопределено его приоритетное значение [7, с. 7–8].

Правомерность подобного вывода, на наш взгляд, вызывает серьезные сомнения.

Во-первых, законодателем возможность использования правоприменителем признания обвиняемым своей вины в качестве основы обвинения жестко увязана с необходимостью его подтверждения совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств. На это указывает употребленная законодателем частица «лишь».

Во-вторых, в науке уголовного процесса, в отличие от науки уголовного права, понятие «виновность» существует для обозначения доказанности совершения конкретным лицом конкретного преступления и является своеобразным объектом познания по уголовному делу, отраженным в п. 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ.

Во-третьих, не вполне корректно, на наш взгляд, использование цитируемым автором глагола «постулировать» по отношению к понятию «признание вины». Согласно философскому словарю, «постулат» (от лат. *postulatum* – требование) – это предположение, которое должно быть мыслимым или являться реально необходимым, в свою очередь, «постулировать» означает установление чего-либо в качестве исходного положения [10, с. 356].

Очевидным представляется, что в ч. 2 ст. 77 УПК РФ таким исходным положением должно являться отнюдь не признание обвиняемым своей вины, а обязательность ее подтверждения совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств, что должно означать не что иное, как доказанность вины обвиняемого без учета его признания в совершении преступления.

Вместе с тем, приведенные аргументы касаются не того, что есть, а того, что должно быть. В связи с этим приходится признать справедливость упрека,

высказанного законодателю, в отношении несовершенства конструкции рассматриваемой нормы. В частности, А.С. Барабаш также акцентирует внимание на том обстоятельстве, что своеобразным центром законодательного предписания, содержащегося в ч. 2 ст. 77 УПК РФ, является признание обвиняемым своей вины. Подобная формулировка невольно закладывает в сознании правоприменителя мысль о том, что если имеется признание, то дело за малым – необходимо лишь подтвердить его совокупностью доказательств [8, с. 19].

Кроме этого, ни для кого не секрет, что нередко следствием получения признания вины от обвиняемого (подозреваемого) является то, что уголовные дела расследуются поверхностно и также нередко необоснованно рассматриваются в особом порядке судопроизводства. Другими словами, получив признание вины, сторона обвинения, по сути, снимает с себя бремя доказывания. В связи с этим видится две возможности изменения отношения правоприменителя к признанию вины обвиняемым и к самому содержанию рассматриваемой нормы.

Первый вариант связан с внесением некоторых корректив в ч. 2 ст. 77 УПК РФ, которые в какой-то мере позволят изменить восприятие правоприменителем ее содержания. Как известно, правовые нормы могут быть сформулированы двояким образом: как предписания и как запреты. При этом суть последних заключается в установлении недвусмысленной обязанности правоприменителя воздержаться от определенных действий. Думается, что для должного восприятия содержания ч. 2 ст. 77 УПК РФ ей следовало бы придать не предписывающий, а запретительный характер, для чего изложить данную норму в следующей редакции:

«2. Признание обвиняемым своей вины в совершении преступления *не может быть положено* в основу обвинения без подтверждения его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств».

Следует отметить, что такой способ изложения соответствующих норм избран законодателями некоторых стран СНГ. Так, в УПК Республики Таджикистан ч. 2 ст. 76 «Показания обвиняемого» изложена именно в виде запрета. Согласно предписаниям указанной нормы, «признание обвиняемым своей вины не может быть положено в основу признания его виновным, если оно не подтверждено совокупностью имеющихся в деле доказательств»¹.

Представляется важным обратить внимание и на разницу в использованной терминологии по сравнению со ст. 77 УПК РФ – признание вины может быть положено не в основу обвинения, а в основу признания виновным.

В уголовно-процессуальном законодательстве ряда других стран СНГ, несмотря на наличие в них норм, аналогичных по содержанию ч. 2 ст. 77 россий-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан : Закон от 3 дек. 2009 г. : (с изм. и доп. по сост. на 02 янв. 2019 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30594304.

ского уголовно-процессуального закона, тем не менее, предусмотрены дополнительные предписания, лишь с учетом требований которых допустимо использование признания вины обвиняемым (подозреваемым) в качестве доказательства.

Так, ч. 5 ст. 83 УПК Кыргызской Республики² содержит положение о том, что «показания обвиняемого, подсудимого, в том числе и признание ими своей вины, подлежат обязательной проверке и оценке в совокупности со всеми доказательствами по делу».

Согласно ч. 2 ст. 103 УПК Республики Молдова³, «признание подозреваемым или обвиняемым своей виновности в совершении преступления может быть положено в основу обвинения лишь в той мере, в которой его виновность подтверждена фактами и обстоятельствами, вытекающими из совокупности имеющихся по делу доказательств».

В УПК Республики Узбекистан⁴ подобная норма содержится в главе, устанавливающей правила допроса подозреваемого, обвиняемого – в ч. 2 ст. 112. Из предписаний указанной нормы следует, что «данные, устанавливаемые показаниями подозреваемого и обвиняемого, как и другие доказательства, подлежат проверке и оценке в связи со всеми обстоятельствами дела, как в случае признания, так и в случае отрицания обвиняемым своей виновности»

Как видим, формулировками приведенных выше норм исключается какое бы то ни было придание приоритетного значения признанию вины. Думается, что подобный способ законодательной регламентации является достойным для заимствования опыта.

Второй вариант возможного изменения восприятия правоприменителем содержания ст. 76 УПК РФ и его отношения к признанию вины обвиняемым может быть связан с полным исключением из содержания анализируемой нормы ее второй части, как это имеет место в кодексах ряда стран СНГ.

Так, например, в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Армения⁵ и Республики Беларусь⁶ отсутствуют нормы подобного содержания.

² Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики : Закон от 2 февр. 2017 г. № 20 : (с изм. и доп. по состоянию на 15 апр. 2019 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36313326#pos=16;-24.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова : закон от 14 марта 2003 г. № 122-XV : (с изм. и доп. по сост. на 29 нояб. 2018 г.). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30397729.

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан : Закон Республики Узбекистан от 22 сент. 1994 г. № 2013-XII : (с изм. и доп. по сост. на 08 июля 2019 г.). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30421101#pos=6;-245.

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения : принят 01 июля 1998 г. : (с изм. и доп. по сост. на 09 июля 2019 г.). URL: https://www.legislationline.org/download/action/download/id/4261/file/Armenia_CPC_am2006_ru.pdf.

⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь : от 16 июля 1999 г. № 295-3 : (с изм. и доп. по сост. на 09 янв. 2019 г.). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30414958_

Более того, УПК Республики Армения содержит норму, предполагающую уточнение позиции подсудимого (ч. 2 ст. 134), согласно которой «подсудимому должно быть разъяснено, что он не связан признанием или отрицанием вины, сделанным в ходе предварительного следствия», что означает, что признанию вины не придается приоритетного доказательственного значения. Нормы аналогичного содержания содержатся в УПК Азербайджанской Республики⁷ (п. 4 ч. 3 ст. 324), Республики Казахстан⁸ (ч. 2 ст. 365).

Кроме этого, необходимо указать на некоторую внутреннюю противоречивость содержания ч. 2 ст. 77 УПК РФ. Так, данная норма носит название «Показания обвиняемого», а из содержания ее второй части следует, что «признание вины может быть положено в основу обвинения». Между тем, появления в уголовном деле участника, наделенного статусом обвиняемого, до предъявления самого обвинения немыслимо. Из этого следует, что также немыслимо, чтобы в основу предъявляемого обвинения уже было положено признание вины обвиняемым, поскольку такого участника уголовного судопроизводства еще нет в уголовном деле.

Учитывая, что, согласно ст. 173 УПК РФ, обвиняемый дает показания после предъявления ему обвинения и по существу этого обвинения, в основе этого обвинения должна лежать достаточная совокупность достоверных доказательств, свидетельствующих о виновности лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, но не признание его вины. Исходя из этого, вариант исключения ч. 2 из ст. 77 УПК РФ, на наш взгляд, представляется более предпочтительным.

Следует отметить также критическое отношение некоторых ученых к регламентации порядка допроса обвиняемого, закрепленного в ст. 173 УПК РФ. В частности, по мнению И.С. Дикарева, не следует допрос обвиняемого начинать с вопроса о том, признает ли он себя виновным. Постановка вопроса об отношении обвиняемого к содержанию предъявленного ему обвинения должна являться не исходной точкой допроса, а его итогом. Аргументация автора в обоснование такого вывода представляется вполне убедительной.

Во-первых, по мнению указанного автора, это оправданно с практической точки зрения, поскольку позиция обвиняемого, отрицающего виновность в начале допроса, может измениться, благодаря правильно избранной следователем тактики допроса и воздействия избобличающих доказательств.

Во-вторых, в случае выраженного допрашиваемым в самом начале допроса отрицательного отношения к обвинению, возникает ситуация, когда в психологическом плане это связывает его, служит определенного рода

⁷ Уголовный кодекс Азербайджанской Республики : утв. Законом Азербайджанской Республики от 30 дек. 1999 г. № 787-IQ : (с изм. и доп. по сост. на 29 марта 2019 г.). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30420353#sub_id=720000.

⁸ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан : от 4 июля 2014 г. № 231-V : (с изм. и доп. по сост. на 01 апр. 2019 г.). URL: https://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=31575852.

барьером для изменения избранной им позиции в ходе допроса [6, с. 13].

Некоторые ученые, более категорично высказываясь в отношении содержания ч. 2 ст. 173 УПК РФ, предлагают вообще исключить из нее положение о необходимости выяснения у обвиняемого, признает ли он себя виновным, поскольку постановку такого вопроса можно расценить как принуждение к признанию [11, с. 13; 12, с. 45; 13, с. 53].

Кроме этого, справедливой представляется точка зрения Н. Гаспаряна, который еще в период действия УПК РСФСР считал необходимым отражение и детализацию в уголовно-процессуальном законе предписания ст. 51 Конституции РФ посредством закрепления в нем положения о том, что «допрос подозреваемого, обвиняемого, подсудимого начинается с разъяснения права не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников и выяснения желания давать показания» [14, с. 35]. Думается, что данное положение должно найти отражение в ст. 173 УПК РФ.

В этом же контексте вызывает возражение формулировка п. 3 ч. 4 ст. 47 УПК РФ о предупреждении обвиняемого о том, что его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, только после того, как получено его согласия дать показания. Думается, что такое предупреждение должно быть озвучено обвиняемому (впрочем, как и любому иному участнику уголовного судопроизводства) вне зависимости от того получено или нет согласие допрашиваемого давать показания и сделано это должно быть в самом начале допроса. В связи с этим представляется необходимым из п. 3 ч. 4 ст. 47 УПК РФ содержащееся в нем условие, выраженное словосочетанием «при согласии дать показания», исключить и изложить норму в следующей редакции:

«3) возражать против обвинения, давать показания по предъявленному ему обвинению либо отказаться от дачи показаний. Он должен быть предупрежден о том, что его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе и при его последующем отказе от этих показаний, за исключением случая, предусмотренного пунктом 1 части второй статьи 75 настоящего Кодекса».

Такую же корректировку следует произвести и в содержании норм п. 2 ч. 4 ст. 46 УПК РФ; п. 3 ч. 2 ст. 42 УПК РФ; п. 7 ч. 4 ст. 44 УПК РФ; п. 4 ч. 2 ст. 54 УПК РФ; п. 1 ч. 4 ст. 56 УПК РФ, регламентирующих права и обязанности подозреваемого, потерпевшего, гражданского истца; гражданского ответчика и свидетеля соответственно.

Как представляется, предложенные изменения могут позволить в большей мере обеспечить как защиту законных интересов обвиняемого (подозреваемого), так и допустимость использования признания вины в качестве доказательства. При этом следует подчеркнуть, что признание вины может иметь доказательственное значение лишь в том случае, если сообщенные обвиняемым (подозреваемым) сведения согласуются с полученными в ходе производства по уголовному делу доказательствами, но не наоборот, поскольку в противном случае доказательственную деятельность органов предварительного расследования

можно сравнить со школьной подгонкой решения под заранее известный ответ. Кроме этого, исключительно факт признания вины обвиняемым, когда им не сообщается ничего ранее неизвестного органам расследования, доказательством являться не может.

Список использованной литературы

1. Смолькова И.В. Признание обвиняемым своей вины: доказательственное и правовое значение / И.В. Смолькова. – Москва : Юрлитинформ, 2017. – 432 с.
2. Смолькова И.В. Требуется ли признание обвиняемым своей вины при особом порядке принятия судебного решения (глава 40 УПК РФ) / И.В. Смолькова // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2018. – № 3 (32). – С. 33–40.
3. Смолькова И.В. Значение признания обвиняемым своей вины при прекращении уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием (ст. 28 УПК РФ) / И.В. Смолькова // Библиотека криминалиста. – 2017. – № 3 (32). – С. 112–119.
4. Смолькова И.В. Требуется ли признание обвиняемым своей вины при прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ) / И.В. Смолькова // Библиотека криминалиста. – 2018. – № 3 (38). – С. 200–206.
5. Смолькова И.В. Является ли явка с повинной признанием обвиняемого своей вины? / И.В. Смолькова // Судебная власть и уголовный процесс. – 2017. – № 3. – С. 114–119.
6. Дикарев И.С. Признание обвиняемым себя виновным в совершении преступления / И.С. Дикарев // Российская юстиция. – 2018. – № 4. – С. 35–37.
7. Перекрестов В.Н. Уголовно-процессуальное значение признания обвиняемым своей вины в уголовном судопроизводстве РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / В.Н. Перекрестов. – Волгоград, 2010. – 28 с.
8. Барабаш А.С. Доказательственная ценность признания обвиняемым своей вины вчера, сегодня / А.С. Барабаш // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. – 2015. – № 1 (26). – С. 15–24.
9. Бескибалов Р.В. Уголовно-процессуальное значение признания обвиняемым своей вины в процессе доказывания / Р.В. Бескибалов // Вестник СевКавГТИ. – 2016. – № 4 (27). – С. 78–81.
10. Философский энциклопедический словарь / ред. Е.Ф. Губский. – Москва ИНФРА-М, 2007. – 576 с.
11. Францифоров Ю.В. Понятие и процессуальный порядок привлечения лица в качестве обвиняемого / Ю.В. Францифоров // Российский судья. – 2002. – № 5. – С. 11–14.
12. Будников В.Л. Признание обвиняемым своей вины не является доказательством / В.Л. Будников // Российская юстиция. – 2007. – № 4. – С. 44–45.
13. Куссмауль Р. Исключить показания обвиняемого из числа доказательств / Р. Куссмауль // Российская юстиция. – 2001. – № 7. – С. 52–53.

14. Гаспарян Н. Праву не свидетельствовать против себя нужны дополнительные гарантии / Н. Гаспарян // Российская юстиция. – 2000. – № 12. – С. 34–35.

References

1. Smol'kova I.V. *Priznanie obvinyaemym svoei viny: dokazatel'stvennoe i pravovoe znachenie* [A Guilty Plea: Probative and Legal Value]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2017. 432 p.

2. Smolkova I.V. Is it Necessary of the Accused to Plea Guilty for the Special Procedure of the Judgment (Chapter 40 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation). *Sibirskie ugovolno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2018, no. 3 (32), pp. 33–40. (In Russian).

3. Smolkova I.V. Importance of the Defendant's Recognition of his/her Guilt in Case of Termination of Criminal Prosecution in Connection with Active Repentance (Article 28 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation). *Biblioteka kriminalista = Library of a Criminalist*, 2017, no. 3 (32), pp. 112–119. (In Russian).

4. Smolkova I.V. Is the defendant's confession of his/her guilt in case of termination of the criminal case in connection with the reconciliation of the parties (Article 25 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation) required? *Biblioteka kriminalista = Library of a Criminalist*, 2018, no. 3 (38), pp. 200–206. (In Russian).

5. Smolkova I.V. Is giving oneself up a recognition of guilt by the accused? *Sudebnaya vlast' i ugovolnyi protsess = Judicial Authority and Criminal Process*, 2017, no. 3, pp. 114–119. (In Russian).

6. Dikarev I.S. Pleading guilty to a crime. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2018, no. 4, pp. 35–37. (In Russian).

7. Perekrestov V.N. *Ugovolno-protsessual'noe znachenie priznaniya obvinyaemym svoei viny v ugovolnom sudoproizvodstve RF. Aftoref. Kand. Diss.* [Criminal procedure significance of a guilty plea in criminal proceedings in the Russian Federation. Cand. Diss. Thesis.]. Volgograd, 2010. 28 p.

8. Barabash A.S. The Evidentiary Value of Confession of Guilt by the Accused Yesterday, Today. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Yurisprudentsiya = Science Journal of Volgograd State University. Jurisprudence*, 2015, no. 1 (26), pp. 15–24. (In Russian).

9. Beskibalov R.V. Criminal procedure significance of a guilty plea in proving. *Vestnik SevKavGTI = Bulletin of North Caucasus Humanitarian and Technological Institute*, 2016, no. 4 (27), pp. 78–81. (In Russian).

10. Gubskii E.F. (ed.). *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Infra-M Publ., 2007. 576 p.

11. Frantsiforov Yu.V. The concept and procedure of prosecuting a person. *Rossiiskii sudya = Russian Judge*, 2002, no. 5, pp. 11–14. (In Russian).

12. Boudnikov V.L. Admission of guilt by the defendant is not evidence in criminal proceedings. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2007, no. 4, pp. 44–45. (In Russian).

13. Kussmaul' R. To Exclude Testimony of the Accused from Evidences. *Rossiiskaya yustitsiy = Russian Justice*, 2001, no. 7, pp. 52–53. (In Russian).

14. Gasparyan N. The right not to testify against oneself needs extra guarantees. *Rossiiskaya yustitsiy = Russian Justice*, 2000, no. 12, pp. 34–35. (In Russian).

Информация об авторе

Корнакова Светлана Викторовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения национальной безопасности, Институт государства и права, Байкальский государственный университет, 664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: Svetlana-kornakova@yandex.ru.

Information about the author

Kornakova, Svetlana V. – Ph.D. in Law, Ass. Professor, Chair of Legal Support of National Security, Institute of State and Law, Baikal State University, Lenin st., 11, Irkutsk, 664003, Russia, e-mail: Svetlana-kornakova@yandex.ru.